

Моей Newbooter - 1994 - 16 - 23 марта - с 24.

Глеб Скороходов

ВАРИАНТ ПЕРВЫЙ: ПРОСТОДУШНО- НАИВНЫЙ

Глеб Скороходов «В поисках утраченного» специализируется на шедах советского кино. И в основном на звездах старшего поколения. Автору по большей части удаются те передачи, где его героями становятся не про-

сто актеры и актрисы с именами и фамилиями, но с мифологическими шлейфами. Как, например, Петр Олейников, Людмила Смирнова, Николай Крючков.

Советское кино сталинской поры было предельно мифологично и прощальным. Артисты, играя свои роли, исполняли еще и некую презентационную функцию: они олицетворяли определенные слои строго дифференцированного в классном и партийно-кастовом отношении населения. Крючков — пареня из нашего города, Олейников — герой-предмостный, Орлова — горючая невеста, Пальанина — кокетшая. И т.д.

Система актерских шедевров сталинской поры была своего рода диалогом, на котором и развивалась, и благодаря которому понимали друг друга огромные массы людей на огромных просторах шестой части суши. Актеры были великими в той мере, в какой их персонажи становились общенациональными знаменателями чего-либо: жестокости, мужественности, самоотверженности, душевной открытости... Поэтому они в какой-то мере и стали историко-мифологическими персонажами, сладостные воспоминания о которых и о былой идеальной однородности еще не до конца выветрились из памяти народной. Вот на этих мотивах и играет ведущий программы «В поисках утраченного» Глеб Скороходов.

Делает он это вполне искренне, с полной душевной отдачей, стараясь быть предельно деликатным по отношению к тому ореолу, что сохранился вокруг артиста. Более того, безпристрастно и не приближаясь к своему предмету. Благодаря этому, заходит внутрь мифа об артисте и в образе его, диалог с прошлым... Тут сверхданные: сопереживание и высокими начальниками, с сочувствием живописует драму обожания, с состраданием — трагедию забвения...

Если говорить об образе ведущего в программе Скороходов, то это образ конфидента, как

Происки утраченного

ОБОЗРЕНИЕ

Наше недавнее застойно-советское прошлое, судя по телерепертуару, просто нарасхват. Но по-разному.

выглядели бы Достоевский, то есть человека, кому герой способен довериться и даже поинтересоваться и который не допускает даже и тени сомнения относительно широты круга зрителей.

Такого рода передачи по своему необходимы. Они играют роль эмоциональной опоры для достаточно широкого круга зрителей.

Глеб Скороходов — конфидент, а Григорий Гурвич — массовик-затейник «Старая квартира», передача, которую он ведет, — это игра с прошлым и в прошлое.

Виктор Славкин

ВАРИАНТ ВТОРОЙ: ИГРАЕМ В ПОСТАЛЬГИЮ

«Старая квартира» (автор — известный драматург Виктор Славкин) ведет летоисчисление с 1946 года и добралась уже до 1951-го. Рефлексия по поводу недавнего исторического прошлого претворена в игровую форму. На сцене что-то вроде коммуналки в разрезе, в зале бывшие обитатели коммуналок — популярные артисты, звезды телевидения, знаменитые в прошлом футболисты, известные некогда писатели и поэты. Каждый выпуск — сеанс коллективной ностальгии по

минутому с киношными иллюстрациями, а также с воспоминаниями о бытовых подробностях, о впечатлениях мрачных и радужных, забавных и трагических...

Это уже не просто самолюбивое погружение в прошлое, но определенное переосмысление его, диалог с прошлым... Тут сверхданные: сопереживание и высокими начальниками, с сочувствием живописует драму обожания, с состраданием — трагедию забвения...

Если говорить об образе ведущего в программе Скороходов, то это образ конфидента, как

Леонид Парфенов

ВАРИАНТ ТРЕТИЙ: ПРОШЛОЕ КАК АТТРАКЦИОН

Повесть «Намедни» Леонида Парфенова (одного из авторов «Старых песен о главном», к слову сказать) по идейной концепции и художественному замыслу программы пересекаются с «Старой квартиркой».

«Намедни» повествует о летоисчислении от 1961 года. Это пик отеческого Равенства. Будет 1991 и год для устойчивого пуга и великого перехода.

Оправдана игра Леонида Парфенова («в прошлое» можно легко догадаться уже по самым первым выпускам). Это своего рода аттракцион: «во лесе обозрения» зрители с высоты седьмидесяти исторического знания рассматривают достопримечательности былого — моду на туфельку-пишпигу, воспоминание о триумфе Гагарина, об убиении Кубой и Кастро...

Сверху все эти исторические события и обстоятельства кажутся такими маленькими и забавными. Над ними склоняется пронырливый Леонид Парфенов. Их можно потрогать, ими можно пожевать... На его месте каждый смертный поневоле почувствует себя Волашом, парящим над бедняцким прошлым... С ним парит команда комментаторов: Егор Гайдар (кот Бегемот), Сергей Карганов (Королев),... В команде даже есть Гелла — это стилистка и очисти мажорная сценаристка Рената Литвинова.

Ведущий исторических «Намедни» — повелитель и демиург времени. Он может поиграть себе в порядке шутки непосредственно прикоснуться к отражаемому событию. Например, повернуть игуарал Братской ГЭС, постоять на трибуне, с которой Хрущев призывал делегатов очередного партийного съезда: «За работу, товарищи!»

Это и многое другое сделано на ушах. Что

понятно. История у нас слишком долгая тогда была сузубо казенной дисциплиной. Умономрачительно серьезной. Сейчас архивы общественной памяти приватизируются, одомашниваются.

Но не всегда это делается с легким сердцем и в жанре рено или в форме игры.

Едуард Радиский

ВАРИАНТ ЧЕТВЕРТЫЙ: ПРОШЛОЕ КАК ТРИЛЛЕР

На минувшей неделе Едуард Радиский завершил показ своего сталинского шпика. Последние четыре передачи оказались объединены общим названием «Предсказание Сталина». Само предсказание, впрочем, состоялось в том, что

как следует из Радиского, состояло в том, что вождь вернется.

Оно почти сбылось. Во первых, в обществе чувствовалось нарастание спроса на диктатора.

Во вторых, он вернулся и предстал перед зрителем в повествовании Радиского как живой.

Хотя автор преподносит свое исследование как историко-архивное, на самом деле оно абсолютно популистское. И представляет собой убедительную не потому, что рассказчик часто между прочим роняет: «Я читал это в архиве...» Или: «Я видел эти письма...» Но потому, что факты и обстоятельства подобрались и изложены ХУДОЖЕСТВЕННО.

К нам на этих днях по случаю очередной годовщины смерти реального Сталина вернулся художественный Сталин — образ, надо сказать, устрашающий и в изображении и исполнении Едуарда Радиского. Получился исторический триллер, тем более кошмарный, что он имеет некоторые шансы воплотиться в реальность. Не даром сам автор, рассказывая о Сталине, так много и терпеливо смеется — то была такая форма защиты от страха. Как у ребенка в комнате ужасов.

Кому-то кажется, что после 91-го у нас порвалась связь времён... Кому-то — что она, напротив, неразрывна. Что мы до сих пор законодательным образом кропано-оптимистическим прошлым. И потому поиски утраченного могут обернуться его прояснением.

Юрий БОГОМОЛОВ

парфенов леонид

16-23.03.94